

**К 90-летию со дня
рождения В. В. Маяковского**

Партия и Ленин — близнецы-братья — кто более матери-истории ценен? Мы говорим Ленин, подразумеваем — Ленин.
мы говорим — *В. Маяковский*

ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ ГОВОРИ

В июле 1906 года семья Маяковских переехала из Кутаиси в Москву и поселилась на Бронной. В Москве впервые зазвучал поэтический голос Владимира Маяковского.

Мы попросили народного артиста СССР Игоря Владимировича ИЛЬИНСКОГО поделиться воспоминаниями о Маяковском, с которым он не раз встречался и был близко знаком.

— Вы стали, как известно, первым исполнителем произведений Маяковского...

— Мне было шестнадцать лет, когда Владимир Владимирович Маяковский впервые и навсегда вошел в мою жизнь. Он был на восемь лет старше и в ту пору уже широко известен как поэт. Его стихи, необычные по форме и смелые по содержанию, привлекали и волновали публику.

Маяковский был блестящим чтецом своих произведений, и то, что я взялся тоже исполнять их, было, конечно, юношеской смелостью. Но даже в моем скромном исполнении стихи Маяковского никого не оставляли равнодушным, столько было в них искренности и страсти.

— Слышал ли Маяковский исполнение вами его стихов?

— Маяковского я ходил слушать специально и преклонялся перед ним как перед исполнителем. Но при всем моем признании преимуществ авторского чтения я тем не менее никогда никому не подражал. Маяковский, видимо, тоже был знаком со мной как с артистом-чтецом и однажды в Доме печати передал мне текст только что написанного им стихотворения, чтобы я прочел его. Это было «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

Я исполнил его по своему и, думаю, довольно неважно. От меня, как я понял позже, ускользнула основная мысль. В частности, я больше всего подчеркивал задиристость поэта, когда с озорством обращался к озорству: «Слазлы!». Сам же Маяковский произносил эту реплику с задумчиво-доброудной интонацией, со свойственной ему могучей солидностью. Ус-

лышав как-то мое исполнение, Маяковский, однако, похвалил: «Ничего, хорошо! Можно, пожалуй, и так читать». Но одно замечание он все-таки сделал, попросил четче выговаривать рифму «донца — солнца».

— Вы отдавали предпочтение сатирической музе Маяковского. В чем вы видите ее силу и чем объясняете ее действенность?

— Маяковский хорошо понимал, что сатира способна приносить пользу тогда, когда она конкретна. Не случайно стихотворению «Помпадур» он предпослал эпиграф — цитату из «Правды» о недостойном поведении ответственного работника.

Конкретизацией отрицательных явлений и типов Маяковский подчеркивал нетипичность данного факта, его случайность. Потому-то он так сильно утрировал отрицательный факт — делал сатиру на него максимально резкой, иронию — неотразимой.

— В вашем послужном актерском списке есть и роли в спектаклях по пьесам Маяковского...

— Образ меньшевика-соглашателя в «Мистерии-буфф» и Присыпкина в «Клопе» я создавал при участии Маяковского, следуя многим его советам. Работа с ним в театре стала для меня большой школой, на многое открыла глаза.

Пьесы Маяковского и по сей день не утратили своего значения, остаются острыми и актуальными. Однажды у него спросили, что он думает о них. Маяковский ответил: «Мне рассказывали — в трамвай сел человек, не бравший билета. Заметивший — кондуктор изругался — эх, ты, жулик, шантрапа... клоп Маяковского».

Поэт считал этот эпизод «лучшей и приятнейшей рецензией на его пьесу».

— Для нынешнего поколения жизнь Маяковского уже становится легендарной... Каким он сохранился в вашей памяти, ведь память артиста — это копилка человеческих образов?

— Маяковский был высокого роста, крупного телосложения. В его облике, чертах лица все говорило о мужественно-большой воле. Скульптурная фигура поэта на площади его имени довольно точно передает внешность поэта революции, «горлана-главаря». И вместе с тем под этой монументальной внешностью Маяковского таилась необычайно чуткая, нежная душа, билось большое, отзывчивое, легко ранимое сердце. Парадокс, который, к сожалению, мы часто начинаем осознавать слишком поздно...

Летят годы. Уже полвека нет с нами Маяковского, но он, как живой, стоит перед глазами. Помнится все: его степенная походка, всегдашнее спокойствие и невозмутимость, внимательный и неизменно доброжелательный взгляд, смех то снисходительный, то сердитый, но никогда не равнодушный.

Многие места в Москве связаны для меня с памятью о Маяковском. Это и Настасьинский переулок, где осенью 1917 года устроили «Кафе поэтов» и где я впервые увидел и услышал Маяковского. Это и Политехнический музей, где он много раз выступал. Я старался не пропустить ни один из таких вечеров и диспутов. Это и гостиница «Метрополь», где в театральном отделе Наркомпроса Маяковский читал «Мистерию-буфф». Это и Малый театр, где он выступал на диспуте о задачах литературы и драматургии по докладу А. В. Луначарского. Это и университет, где он читал «Хорошо!». Это и стадион «Динамо», где на Всесоюзном пионерском слете он подарил школьникам «Песню-молнию»...

Интервью провел
И. ОКУНЕВ.